

газета юных журналистов школы №309 центрального района Санкт-Петербурга

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

№ 1 (58) 24 ФЕВРАЛЯ 2019 ГОДА

«ВЕСЬ МИР – ТЕАТР»

2 ПОГРУЗИТЬСЯ
В «АНАБИОЗ»

3 НА СЦЕНЕ
ЛИШЬ ОДИН

4 НАСТРОЕНИЕ:
ПОСЛЕ ТЕАТРА

Фото Ангины Бычковой

ТВОЙ ВЫБОР – ТВОЙ СЮЖЕТ

...Здесь вместо рядов деревянных стульев – капсулы из фантастических фильмов и голос из колонок "Компания Криофарм – отправься в будущее сегодня!". Вместо сцены – темные лабиринты коридоров, а вместо зрителей-наблюдателей – зрители-герои, которые сами пишут сценарий своей истории.

САМО ПОНЯТИЕ «ИММЕРСИВНОСТЬ» ОЗНАЧАЕТ ВОВЛЕЧЕНИЕ, СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ПРИСУТСТВИЯ (ОТ АНГЛ. IMMERSIVE – ПОГРУЖЕНИЕ). ЗРИТЕЛИ ПОДОБНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НЕ ПРОСТО НАБЛЮДАЮТ ЗА ПРОИСХОДЯЩИМ, А АКТИВНО УЧАСТВУЮТ В НЕМ, НАХОДЯ КЛЮЧИ К РАЗГДКЕ СОБЫТИЙ.

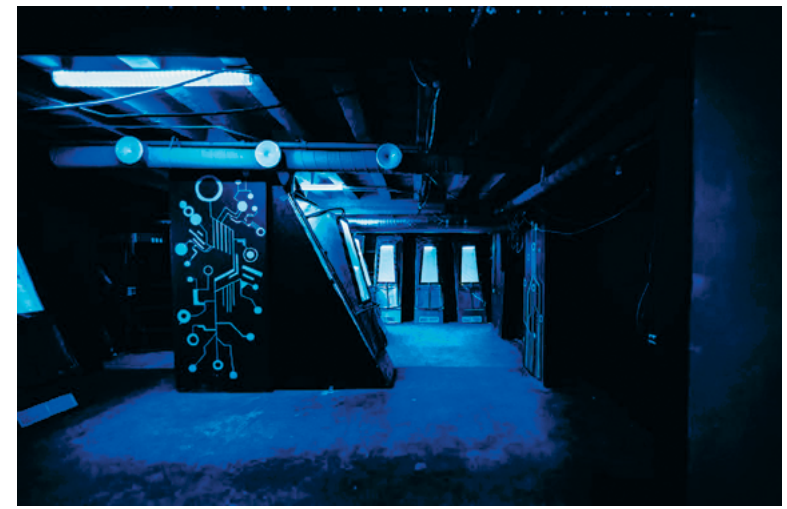

Фото из архива театра «Анабиоз»

Спектакль-игра «Анабиоз» руководствуется основными законами иммерсивного театра или театра-квеста.

В чем заключается главная уникальность шоу?
Прямой контакт со зрителем. В рамках таких спектаклей ты не работаешь на партнёра или на зал, ты работаешь на каждого участника в отдельности. У тебя есть возможность общаться, узнавать, доверять, спорить и отстаивать свою позицию. Здесь всё строится на грамотной импровизации в рамках сюжета, поэтому ни один спектакль не похож на предыдущий.

В человека многое заложено природой, но, будучи талантливым с рождения, без работы над собой ничего не выйдет.

Ольга, многие театры заставляют задуматься своих зрителей о глубоком, помогают прийти к определенной важной мысли. А какая цель у вас в этом отношении?

Постоянная импровизация по ходу игры – сложно ли это?

Существуют ли стереотипы об иммерсивных театрах, которые вы готовы развеять?
Театр такого формата в России на сегодняшний день только-только делает свои первые шаги. На мой взгляд, стереотипами данный жанр ещё не оброс, и слава Богу! Далеко не каждый зритель готов полностью погрузиться в атмосферу, но те, кому это удаётся, получают массу удовольствия.

Думаю, что это зависит от пути, по которому пойдёт команда. «Анабиоз» отличается вариативностью, и каждое принятое решение очень сильно влияет на поворот сюжета и концовку. Неоднократно после спектаклей зрители делились впечатлениями, рассказывая о том, как они учатся слышать друг друга и понимать «кто есть кто» (не зря же говорят, что лучше всего человек проясняется в экстренных ситуациях). Я советую не идти за мнением большинства. Самое главное – доверять самому себе.

Это очень интересно! Актёры подстраиваются под зрителя в зависимости от возраста, темперамента и предпочтений самих участников. Здесь важно ещё чувствовать команду: насколько человек готов подпустить тебя как персонажа, насколько он сам хочет погрузиться. Мы всегда помогаем. Иногда запутываем и спорим. В этом веряется в экстренных ситуациях). Я советую не идти за мнением большинства. Самое главное – доверять самому себе.

Как по вашему мнению будут меняться и развиваться в будущем иммерсивные театры?

Каким образом можно заставить человека поверить в реальность того, что разворачивается на его глазах?

Можно ли научиться импровизировать или необходим врожденный талант?

Меня радует интерес жителей Петербурга к данному жанру, это не может не радовать. Я думаю, что театр сейчас выходит на совершенно новый уровень! После успешного открытия «Анабиоза», мы выпустили крупнейшую экшн-игру «Эвакуация. Зима.» для команд от 20 до 50 человек. Ещё несколько проектов находятся в разработке. На самом деле очень приятно осознавать, что ты прикладываешь свои усилия к созданию чего-то нового и необычного. Я желаю каждому хотя бы раз испытать на себе это удивительное чувство!

Иммерсивный театр направляет, а вот уже идти по предложенному пути или нет – выбор исключительно самого зрителя. Знаете, тут сугубо индивидуально: гораздо привычнее сесть в удобное кресло и наблюдать, но данный жанр ломает все стереотипы. Здесь очень многое зависит от того, насколько сильно человек сам захочет погрузиться в историю. Нам, актёрам, очень приятно видеть обратную отдачу. Взаимодействовать гораздо проще и приятнее, когда тебе «подыгрывают».

Импровизация – неотъемлемая часть актёрской профессии. Однако, не у всех получается существовать в таком ключе. Важен фактор отличия театра в его классическом представлении от театра иммерсивного, так как в последнем у импровизации ведущая роль. Отыграть четыре спектакля в один день, постоянно контролируя ситуацию – задача не из лёгких. Для этого нужна особая подготовка и навыки, как и в любой другой сфере.

ЕЛИЗАВЕТА ХАРЧЕНКО

СЛИЯНИЕ ИСКУССТВ

Начало прошлого столетия ознаменовалось революциями не только политическими, но и культурными. Люди творческие тоньше остальных чувствовали своё время и выражали это в искусстве, подвергнув самым большим метафорам театр.

Годунов», «Шехерезада», «Жизель» и многие другие постановки. Сам Дягилев не отличался особенным талантом, его учитель музыки, Николай Римский-Корсаков, назвал произведения ученика «абсурдными», но он имел уникальную способность видеть талант в других. Главной своей задачей он видел в синтезе музыки, живописи и хореографии, единство искусств. Привело это к тому, что антрепренёр отказался от пышности и канонов, обратившись к авангарду. И он добился

желаемого результата, балет «Жарптица» писатель Анри Теон назвал «чудом восхитительнейшего равновесия между движениями, звуками и формами». В создании первых постановок принимали участие художники «Мира искусства» и композиторы «Могучей кучки». В дальнейшем, помимо русских талантов, с Дягилевым работал весь Монпарнас, начиная с Жана Кокто и заканчивая Пабло Пикассо. Создав новый театр и популяризовав русскую культуру, импресарио

полностью посвятил себя делу. Сергей Дягилев был не просто первым русским продюсером, а мифотворцем, объединившим не только людей разных сфер искусства, но и разных национальностей и убеждений. Он стал спасательным кругом для творцов во времена Первой мировой войны.

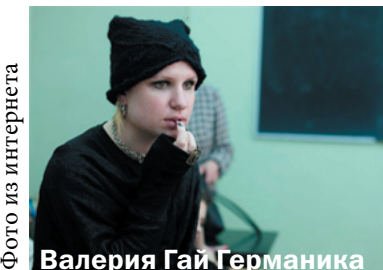

ЕЛИЗАВЕТА ИЛЬИНА

Сегодня мы переживаем период политической разобщённости, когда понятие об интернациональной дружбе рассыпается на глазах. Но сильнее всего этого, понятнее и громче всегда было и остаётся искусство.

ЖЁСТКИЕ СКАЗКИ

«Если в детстве у тебя не было велосипеда, а теперь у тебя Бентли, то всё равно в детстве у тебя велосипеда не было».

Валерия Гай Германика

Существует стереотип, что режиссёр – это всегда бесстрашный мужчина, принимающий на себя груз ответственности, а верх реализации женщины в театральной и кино-сфере – работа актрисой. А ещё есть и были российские женщины, которые этот стереотип опровергают: Динара Асанова, Кира Муратова, Рената Литвинова, Оксана Бычкова, Авдотья Смирнова, Наталья Мещанинова и прочие.

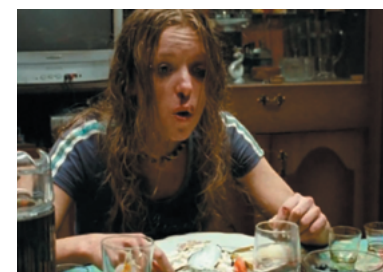
якое: приходит в класс тётенька-школьный психолог и включает фильмы, где подростки, которые не курят и не пьют – счастливы, а остальные должны умереть в конце. На деле больно всем. И всё сложнее, чем мы думаем. Об этом и снимает Гай Германика.

ДЕТСТВО. "ДЕВОЧКИ"

Всё, во всех смыслах, начинается с документального фильма «Девочки», потому что именно он становится отправной точкой для последующих кинолент. Несколько летних дней московских девочек на пороге взрослой жизни: спальные районы, тайно купленные сигареты, джин-тоник, получение паспорта и первая любовь. Этот короткий метр Валерия сняла ещё когда была ученицей Марины Разбежкиной, позже он получил приз на «Кинотавре – 2006». Операторская работа сразу выдаёт автора, да и сама Германика не раз говорила, что не видит смысла в школьным социалкам всегда было до-

добно, что невозможно поверить в то, что фильм постановочный. Позже Валерия скажет: «Документальные фильмы – это не моё. Я не хочу искать героя, выматывать его до нервного предела, а потом снимать кульминацию. Я творческая личность и хочу жить в мире своих фантазий».

ОТРОЧЕСТВО. «ВСЕ УМРУТ, А Я ОСТАНУСЬ»

На каком-то этапе просмотра становится ясно, что однозначные взаимоотношения со зрителем молодая режиссёрка выстраивать не умеет – ей это и не нужно. Чего стоит одна из самых открытых сцен фильма, в которой Алекс произносит: «Ну чё, you not a girl, not yet a woman!» – фильм настоящий, история страшная. «Три девочки похоронили кошку, напузырились джин-тоником, поехали в вечной любви и пошли на дискотеку» – в итоге одна лишилась девственности, вторая напилась до потери пульса, а третья похоронила мечты о принце на белом коне. «Все умрут, а я останусь» – фильм о катастрофической неспособности подростков выйти за пределы навязанных им стереотипов.

Кто-то сказал, что фильм поразительно похож на «Чучело» наших дней – обе картины о социальном насилии в школьной среде, обе признаны кинокритиками, обе вызвали публичные дискуссии. Только вот «Чучело» – советский реалистический кинематограф, а «Все умрут, а я останусь» – артхаус. Эту кинокартину скорее можно сравнить с «Учеником» Кирилла Серебренникова или «Классом коррекции» Ивана Твердовского, хотя в обоих случаях Гай Германика могла разве что вдохновить режиссёров.

ЮНОСТЬ. «ДА И ДА»

На этот раз на экране молодые люди, уже не подростки: учительница русского языка Саша с длинными дредами (поразительное сходство с юной Германикой) и радикальный, эмоционально нестабильный художник Антонин. Герои фильма переходят границы дозволенного любыми способами, это и придаёт им такую честность. Главный герой мочится в стакан, а потом выпивает собственную мочу со словами: «Мне просто сейчас это надо» – эта сцена вызвала бурный общественный диссонанс.

МАРИЯ ГЛЕБОВА

«Бог... Прикинь!» – говорит Антонин Саше, и на небе прорисовывается контур глаза.

Кино про любовь – о любви – за любовь. Про то, что алкоголизм нельзя вылечить, про отвергнутую страсть, про обнажённую ревность.

Когда героиня листает разрисованный паспорт художника, крупным планом снята одна из страниц с надписью «Germanica is love».

Кино Германики – её эмоциональная биография, наверное, оттого всё и происходит от детства – к юности, а диалоги про Бога – алкоголь – любовь – кажутся такими своевременными, живыми. Если отбросить заявления представителей русской православной церкви, то кино в целом – о диалоге с Богом, таком настоящим, ведь герои то и дело ругаются с ним, общаются, мирятся – потому что так происходит всегда, потому что всё только отчасти постановочно. Вот тут и становится ясно, что история скорее про страх ада, а не его вездесущность. Германика споёт:

«Злокаин лишь на время срыгает маски,
Я снимаю про это жесткие сказки.
А мы поверим.

ОДИН ЗА ВСЕХ

Театральная культура не стоит на месте. Так, вместе с быстротекущим и вечно спешащим миром, на сцену современного театра выходит уже не группа артистов, как все привыкли видеть, а всего лишь один.

АННА КУЛАГИНА

Выражение «игра одного актёра» давно вошло в наш словарный запас. Его используют, когда успех коллектива зависит от одного человека.

А если воспринять его буквально? Тогда получится неясный нам театральный жанр. Проще говоря, моноспектакль.

В России этим человеком считается Н.В. Яхонтов. Талант артиста был настолько велик, что Московский театр «Современник», где он работал, стал неофициально называться «театром одного актёра».

Ранее этот вид искусства назывался «четёкким вечером». Подобные мероприятия проводились в узких кругах и не были рассчитаны на широкую публику. Лишь в середине 18 века появляется нечто похожее на современный моноспектакль. Так называемая мело-

декламация, где артисты читали произведения с музыкальным сопровождением. Создателем жанра «моно» неизменно, но в истории остались имена его ярких представителей.

В России этим человеком считается Н.В. Яхонтов. Талант артиста был настолько велик, что Московский театр «Современник», где он работал, стал неофициально называться «театром одного актёра».

декламация, где артисты читали произведения с музыкальным сопровождением. Создателем жанра «моно» неизменно, но в истории остались имена его ярких представителей.

В России этим человеком считается Н.В. Яхонтов. Талант артиста был настолько велик, что Московский театр «Современник», где он работал, стал неофициально называться «театром одного актёра».

Основа любого спектакля – сверхзадача, цель, ради которой создаётся постановка. Станиславский считал, что лишь речь артиста может заменить остальные способы воздействия на зрителя. Театральный символ играет особую роль в моноспектакле. Режиссёры стремятся не говорить всё сразу, а заставить публику думать. Например, в постановке «Контрабас Г. Черепанова таким символом являются матрасы на стенах – это означает, что героиня изолируется от внешнего мира.

Наблюдая привычную театральную постановку, мы не задумываемся о том, как затрачиваются в конкретный момент артисты, так как они в совокупности с тщательно продуманными декорациями, костюмами и реквизитом создают внутри нас картину происходящего действия.

В моноспектакле актёр – единственный человек на сцене, одновременно выполняющий несколько ролей. Рассчитывать приходится только на себя, и в этом, как мне кажется, главная сложность этого жанра.

Нередко театр одного актёра становится кульминацией творчества. На сцену выходит мастера сцены, которым есть что сказать и заявить зрителям. Зачастую сценарий будущего представления пишется под конкретного человека. Так было в постановке «Оскар и Розовая Дама. Четырнадцать писем к Богу» (2004 г.), главную роль в которой сыграла Алена Фрейндлих.

Фото из архива актрисы Елены Подкаминской

КУКОЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ БЕЛКИНА

**НИКОЛАЙ
ИВАЩЕНКО**

В Большом Театре Кукол на Некрасова, 10 состоялся спектакль по повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Действие начинается в доме главного героя. Вокруг него пролетают мел-

кие бумажки, напоминая о незаконченных делах, о рутине всех станционных зрителей.

Спектакль далеко не полностью повторяет сюжет повести. Например, отсутствуют сцены поиска Дуни, дочери зрителя, у церкви, её приезда в Петербург. В спектакле Вырин, так зовут станционного зрителя, не волнуется по поводу пропавшей девушки, он не идёт искать её сам, а просто ждёт возвращения. Ему сообщает некое третье лицо, простой служащий на станции, что болезнь Минского была притворной и он дожидался удобного случая, чтобы увезти её в Петербург.

Надо сказать, что на протяжении всего спектакля можно увидеть отличные декорации. Маленькие кружки, шляпки для кукол, гитара, на которой играл Минский. Всё выполнено в очень маленьком масштабе, но при этом сохраняется естественность предметов. Молодой гусар, играя на струнах гитары, производит отдельные аккорды. И все благодаря тоненьким, как нить, струнам.

Отдельного внимания заслуживают костюмы кукол. У Вырина тёмно-зелёный мундир с золотыми пуговицами, у Минского изящный ментик. Костюмы подобраны с большим вниманием. У мундира станци-

онного зрителя видны потертости, старая ткань, кое-где грязные пятна, как у настоящих зрителей в первой половине 19 века. А у проежжего дворянина можно увидеть даже крохотный султан на его гусарском кивере.

Сценография спектакля тоже может порадовать. Отлично показана гроза, раскаты грома, которые иногда дополняются вспышками молнии. В конце спектакля большое впечатление производит сцена с могилой Вырина. Две портьеры медленно закрывают ярко освещенный крест. Это создает зрительную вибрацию и эффект присутствия, так как мы

Фото из интернета

ничего не видим вокруг, кроме белого креста. «Станционный смотритель» – это отличный кукольный спектакль в лучшем классическом исполнении.

ПОСЛЕ КРИКА «БИС»

Спектакль закончился, а на душе эйфория. Нужно ехать домой, потому что завтра с раннего утра дела, но нет желания садиться в безликую подземку. Хочется продлить момент...

Выйдя из театра комедии на Невском, видишь только толпу людей, опять мчащихся куда-то. Серое небо и моросящий дождь не располагают к прогулкам, но хорошее настроение после просмотра пьесы упорно тянет тебя на променады по историческому центру. Есть только желание идти вперед по очаровательным улицам и наслаждаться моментом. Понимаю, что не хочу домой.

– Ребята, езжайте без меня, – говорю, услышав голоса и громкий смех за спиной. – Я прогуляюсь, может куда-нибудь зайду.

– Можно с тобой? – спрашивает моя одноклассница Геля. – Хочу пойтись и пофоткать.

Хорошими вечерами приятно наслаждаться в одиночку, но делить их с кем-то – приятней вдвойне. Так мы с Гелей медленным, неторопливым шагом двинулись в сторону Казанского собора, оживлённо обсуждая сцены спектакля, актёров, декорации, постановку... Нашей целью стал тёплый светлый уголок в обычном кафе, одним из большой крупной сети. Народа было немного, музыка стала приятным фоном для разговора. Темы стали более общими, от театра мы перешли к насущному: школе, жизни, кумирам, проблемам и пустякам. Время летело быстро, но желание вернуться домой пока так и не появилось.

**ВИКТОРИЯ
МУРГА**

– Куда ты сейчас? – спросила моя спутница, когда мы, закутавшись в тёплые пуховики, вышли на улицу.

– Думаю, что просто прогуляюсь. Срочных дел у меня сегодня нет, а дома несильно расстроится, если я задержусь.

– Тогда я с тобой. Не зря же сегодня взяла фотоаппарат, нужно его использовать, а то в театре фотографировать было нечего.

Опять спокойный шаг... Опять такой знакомый Невский проспект... Идём мимо ещё одного здания. Длинное название у парадного входа не запомнилось, перед глазами простая вывеска – «Театр». Щелчок затвора, и очередная фотография у Гели на SD-карте.

– Ты замечала, что здесь театры на каждом шагу?

Оглядевшись, вправду поняла, что они повсюду. Пройди дорогу, вернись метров на двести назад, двигайся дальше по улице – театры везде. Раньше не замечала, наверное, потому что не была их большой

поклонницей, не понимала такого движения на сцене, когда есть киноэкран. Недавно, познакомившись с ними поближе, полюбила их всем сердцем, прочувствовала атмосферу, испытала восторг от актёрской игры и энергетики постановок.

Прошли дорогу. Геля вручила мне рюкзак и фотоаппарат. Непонимающими глазами слежу за её действиями: она приподняла полы куртки и забралась на постамент колонны, забирая камеру обратно.

– Здесь ракурс хороший, – ответила на мой немой вопрос подруга, – сейчас сделаю снимок и спущусь.

Щёлк, щёлк, щёлк... Просмотр получившихся кадров, какие-то манипуляции и снова щелчки затвора. Довольная отснятым, Геля осторожно прыгнула с возвышения. Мы двинулись дальше.

Настроение отличное, а вот погода не очень. Отморозив пальцы и уши, забежали в книжный магазин. Хожение между рядами разогнало по телу кровь, мы согрелись.

– Смотри, тут книжки Станиславского про актёрское мастерство.

– Это тот, который «не верил»? – спросила после выплывающих по этой теме обрывков фраз и образов в моей голове. – Помню такого.

– Тут так много книг про театр, – заметила Геля, взяв большую фиолетовый талмуд про историю театрального искусства (толщина и тяжесть пособия «от Древних времён до современности» заслуживает отдельного упоминания), – прочитай их все, можно спокойно идти защищать докторскую во ВГИКе.

Секунда... и снова щелчок. Пока Геля творила шедевры, с удовольствием прошлась вдоль книжных полок. Классика. На первых местах сейчас всё, что сметают школьники для уроков литературы. Пять минут за просмотром вековых историй прошли, одноклассница вернулась. Пора домой.

Вот до станции метро «Невский проспект» остаётся метров сто-двести.

– А чей там памятник? – потянула меня за собой подруга, услы-

шав фамилию Гоголь. – Пошли и его фотографировать.

Николай Васильевич подвергся строгому осмотру и запечатлению со всех сторон. Геля то отходила дальше, то приближалась, ловя удачные ракурсы писателя.

– Сюда нужно приходить, когда у него день рождения или юбилей кончины. Здесь много цветов, и ещё книги лежат. «Мёртвые души», «Петербургские повести», «Ревизор»...

Странно, ни разу не видела афиш с произведениями Гоголя, только «Вия» однажды, и всё. Наверное, театр уже пресыщен. Непросто поставить то, что смотрели тысячу раз до тебя. Хотя мне было бы интересно взглянуть, слишком много сейчас «переделок» классики. Уже даже начинаю думать, что режиссёрам сейчас легче осовременить пьесы, чем ставить оригиналы. А жаль...

Уже спускаемся по эскалатору. Думаю о проведённом времени. Было очень хорошо. Надеюсь, у меня будет ещё много таких вечеров.

Фото Ангелины Бычковой